В мастерской скульптора

Моск. правда. - 1996. - 1 авг. - с.5.

Олег Закоморный. Метаморфозы

В тишине мастерской виденьями возникают скульптуры. Даль античной архаики, возвращенная в годы 1990-е. Вечно юная Эос - богиня зари. Грозный, надменный лик Медузы Горгоны. Эротически откровенная, изысканно колдовская Даная. Причудливый «дуэт» Лебедя с Ледой. Линии мелодически нежны. Контуры отчетливы и вместе с тем миражно зыбки. А сами персонажи словно погружены в сладостную дрему тысячелетий.

В камерные, небольших размеров произведения заложен некий потенциал монументальности. В смелой уверенной моделировке, в полифонически богатых сочетаниях фактур, то гладко отполированных, то нарочито грубых и шероховатых, в точном чувстве масштабов и игре пропорций - во всем торжествует значительность выражения, редко свойственная мелкой пластике.

Но при том особая уютность не утрачена, эмоциональное тепло не потеряно. Последнее обстоятельство исключительно важно на фоне современного изобразительного искусства - по преимуществу рассудочного и подчиненного холодному расчету.

...Олег Закоморный входит в мастерскую. Окидывает беглым, несколько отрешенным взглядом работы начатые, законченные, подготовленные к переводу в металл. Приближается к «Леде» и рукавом светлого пуловера деловито смахивает с бронзы только ему заметную пыль. Да нет там никакой пыли! И жест вовсе не такой уж деловитый. А скорее продиктован просто желанием автора еще и еще раз прикоснуться к своей мечте - зримой, осязаемой.

Едва ли не в каждом из «скульптурных каприччио» - своя загадка. «Сон о крабе» - огромный монстр уносит на своем панцире миниатюрную сновидицу. Откуда явилась, куда исчезнет столь прихотливая греза? «Мальчик и орлица» - колыбельная, предназначенная птице? Или плач по былому единству всего живого? А пантера со... стрекозой, волк, похожий на старого Акелу, придуманного Киплингом, джейраны... Сколько забавно человеческого в их физиономиях. И сколько естественности, свободы, не изуродованной урбанистическими наслоениями, в прекрасных человеческих телах. Они словно позлащены и пронизаны лучами солнца или подернуты лунным флером. Их словно обвевает терпкий, свежий морской ветер. Звери - будто люди. Люди - будто боги. Боги прикидываются Лебедем, золотым дождем или еще кем-то или чем-то. Бесконечность перевоплощений. Прелесть Овидиевых «Метаморфоз» и импульсивный, нервный дар сегодняшнего художника.

Впрочем, независимо от литературного первоисточника всякому подлинному таланту к лицу метаморфозы. Преображения мысли и чувства. Преображения материала инертного, неодушевленного, строптивого, но послушного воле и руке ваятеля. Кто вычислит и подсчитает, скольких трудов стоит обманчивая податливость глины? Кто проникнет в тайну возникновения начальной идеи? Кто постигнет «алхимию» превращения первых эскизов в завершенное, стройное художественное целое. И наконец кто такой Олег Закоморный? Автор мифологических перлов? Зорко приметливый анималист? Или портретист, внимательный к оттенкам душевной жизни?

Бесчисленным искусствоведческим вопросам, стремлениям все классифицировать, привести в систему, теоретически обосновать Олег Георгиевич противопоставляет весьма лаконичный ответ: «Художник должен уметь все». Он и умеет. Выучился в Московской средней художественной школе имени Н.Томского, а затем в Московском Художественном институте имени В.Сурикова (факультет скульптуры, профессор Л.Кербель). Затем был принят в Международную ассоциацию художников при ЮНЕСКО. Всесторонне солидное образование, помноженное на талант, позволяет работать в самых разных жанровых направлениях.

Пример тому - кариатиды, светильники, каминные рельефы. Свои дизайнерские опыты он скромно именует «элементами интерьера». Действительно, заманчиво вообразить картину: пламенеют лампы, воздетые руками прекрасной незнакомки или подвешенные на ... хвост потешной дрессированной обезьяны. А отблески зажженного в камине огня играют на двухфигурной композиции: орнаментальная вязь ветвей, узорочье трав и посреди райской благодати безмятежно спокойный Адам и полная соблазнов, но чуть комичная Ева...

Из мастерской работы разлетаются в частные коллекции Украины и России, Германии и Канады, в галереи («Вернисаж», «Колорит»). Экспонируются на выставках. Содержательный творческий отчет в галерее «Беляево» состоялся в прошлом году. А совсем недавно художник впервые вышел на... театральные подмостки. Журнал «Балет» учредил премию «Душа танца». А кому же изобразить душу танца, как не Олегу Закоморному. Вот его «призовая» скульптура: вознесенный ввысь тонкий силуэт, мечтательная полуулыбка, стройность замысла и воплощения.

Мировосприятие, особенности его творческой манеры, безусловно, близки природе балета. В вечер вручения премий в фойе театра имени Пушкина была развернута выставка - всего несколько статуэток. Но, казалось, автор накопил множество балетных впечатлений и все свободное время отдает хореографическим зрелищам. Между тем «выходы» Закоморного в балет только начинаются, и подобное внутреннее родство двух муз обнаружилось благодаря обостренной интуиции.

... Арабеск Жизели-вилисы. Трепет длинных воздушных тюников. Призрачный абрис Ольги Спесивцевой. Еще рабочая модель. Уже цепко схваченные легендарный облик и мистический образ. Можно изучить множество фотодокументов, исследовать всю иконографию, прочитать обширную мемуарную литературу. Но добиться подобного духовного сходства без интуиции нельзя.

Увы, никто из нас Спесивцеву не видел. А молодой скульптор даже Александра Годунова увидеть не успел. Но к вечеру памяти артиста закончил удивительный портрет. Лицо, отуманенное усталостью, предчувствие раннего, уже осознаваемого и неотвратимого ухода. Жизнь и судьба, скрытые за неброской, подчеркнуто сдержанной формой.

Наивно полагать, будто вольные игры фантазии показывают себя только в мифологизированных или декоративно-прикладных сочинениях. Упрямый неутомимый труд воображения улавливаешь и в портретных опусах. Данный жанр в творчестве скульптора представлен пока малочисленными, но самобытными образцами. Среди них - портрет Аркадия Райкина.

... В центре мастерской высилось нечто, плотно закутанное влажной тканью (чтобы модель не пересохла и не разрушилась). Олег привычными ловкими движениями сбросил «производственные покровы», и открылась высокая консоль. Легко, намеком вылепленные театральные маски, драпировка, похожая на занавес. А там, высоко на консоли - знакомая незабываемая райкинская улыбка, мудрая и печальная одновременно. И знакомые райкинские глаза - умные, насмешливые и очень грустные.

И вдруг скульптор отчаянно посмотрел на свое детище и промолвил: «Сломаю! Сломаю! Да! Сломаю!!!». Признаться, нежданная тирада вызвала удивление. Тогда Олег пояснил: «Мне материал нужен. А купить не могу. Значит, надо ломать».

Такое вот конфликтное завершение безмятежной прогулки по мастерской и знакомства с благополучной биографией. Оказывается, до идиллий еще далеко. Общеизвестно утверждение о пользе различных препятствий для истинного таланта. Что ж, для двадцати восьми лет сложностей накопилось немало. Отслужил в армии, вернулся домой, пришлось заново разрабатывать руки (а ведь руки скульптора должны быть не менее совершенны, чем руки пианиста).

Едва успел харьковчанин Закоморный обосноваться в белокаменной, а тут вскоре Советский Союз исчез. И стал герой нашего очерка зарубежным подданным, да лишь сейчас удалось получить гражданство. А то в столице - на птичьих правах. Родители и сестра в Харькове. Жена и малыш в Рязани. Георгий Леонидович Закоморный свою профессию инженера оставил и приобретает теперь совсем другую профессию - менеджера собственного сына. Кстати, в новом своем качестве занялся он и участью портрета Райкина. Совсем недавно удалось наконец перевести модель в тонированный гипс. А на бронзовую отливку денег нет.

Предложил портрет Театру эстрады в дар, с единственной просьбой об оплате бронзового варианта. Отказались - нет средств. Предложил в дар Бахрушинскому музею. Отказались - нет экспозиционных площадей. Теперь одна надежда на Санкт-Петербург - может быть, в тамошнем театральном музее место найдется? Ситуация нелепая до чрезвычайности. И до чрезвычайности типичная для нашего времени.

А разве менее нелепы трудности, связанные с приобретением бронзы? Мало того что не всегда удается собрать необходимую сумму, иногда еще скульптор вынужден доказывать: бронза предназначена для его творческой деятельности.

А кроме всего прочего, существование в старой московской коммуналке тоже не слишком способствует эстетическим свершениям. Не благодаря, а вопреки условиям - житейским, бытовым, материальным - работает Олег Закоморный. Смотрю на его «Метаморфозы», столь созвучные российскому Серебряному веку, и думаю: «А в каких условиях он находился бы в те времена или еще пораньше?».

Уж точно, обстановка была бы прямо противоположной. Жил бы себе поживал в каком-нибудь Абрамцеве. И трудился бы там под крылом Саввы Ивановича Мамонтова. Или, на худой конец, столь же комфортно разместился бы близ Смоленска, в имении княгини Тенишевой.

И, смею предположить, прозорливый и высокоинтеллигентный Павел Михайлович Третьяков уж не преминул бы приобрести пару-тройку таких скульптур. Понимал ведь, куда как проницательно понимал славный создатель Третьяковки: чем больше талантов, тем больше чести родной первопрестольной Москве...

Нынче не размечтаешься. Спонсоров раз-два и обчелся, да и те не всегда постоянны в своем покровительстве. Настоящее меценатство что-то не желает возрождаться. Дальнейшее сокрыто мраком неизвестности. Единственный выход - достойно одолевать очередную полосу препятствий, не отчаиваться и работать.

Он работает. И не отчаивается. Сейчас обдумывает эскизы к портрету Ермоловой. Собирает всевозможные материалы. Побывал в музее-квартире Марии Николаевны, чтобы насмотреться и «надышаться». Будущий портрет предназначен в дар Московскому театру имени М.Н.Ермоловой. Осенью там намечено открытие персональной выставки произведений Олега Закоморного. Итак, до вернисажа...

Елена ЛУЦКАЯ.

На снимке: О. Закоморный со своими скульптурами «Леда и Лебедь», «Горгона-Медуза».

Фото С. ЛИДОВА и А. ОРЛОВА.